

КОЛЫМСКИЙ БЛОКНОТ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО

ИГОРЬ ДУАРДОВИЧ
Литературовед, литературный критик, журналист и эссеист. Директор редакции журнала «Вопросы литературы». Родился в 1989 году. В 2013–2019 годах работал в журнале «Новая Юность», где был ответственным секретарем и одновременно заведовал поэтическим

отделом. Член Союза журналистов России. Стипендиат Министерства культуры РФ (2014, 2015). Биограф и исследователь творчества Юрия Домбровского. Автор и редактор сайта Юрия Домбровского <https://dombrovskiy.online> (проект Музея истории ГУЛАГа, находится в разработке).

Письменная культура в лагерях уничтожалась, однако вот как был устроен, по словам Юрия Домбровского, его «рабочий стол», когда он впервые оказался на Колыме в 1940 году (это была третья по счету посадка): вместо стола — нары, вместо чернильницы — мякиш хлеба, а вместо ручки — хвойная веточка стелющегося кустарника, стланик. Правда, в письме другу, где он рассказывает о «рабочем столе», речь идет о книге, начатой три года спустя, уже после освобождения, — об антифашистском романе «Обезьяна приходит за своим черепом», который он писал в Алма-Ате, лежа на больничной койке, а не на колымских нарах. (Сюжет — история вокруг заслуженного западного ученого, антрополога, которым занялись нацисты, потому что он выступал против расовой теории.)

Домбровский, скорее всего, интриговал, но только наполовину, ведь говорил он, судя по всему, не о прозе, а о стихах, написанных в лагере и изначально предназначавшихся для романа.

Одним из таких стихотворений было «О, для чего погибла, Троя...», сочиненное осенью 1940 года во Владивостоке, еще на пересылке. В блокноте со стихами, сохранившемся в уголовном деле 1949 года (четвертая посадка; на этот раз его ждала путевка в Сибирь), на странице, предшествующей той, где записана «Троя», есть название цикла: «История. Стихи из романа “Обезьяна приходит за своим черепом”».

«Троя» публиковалась многократно, но известна она в первую очередь благодаря попытке мистификации: Домбровский выдавал ее за стихотворение Мандельштама, с которым он якобы встречался на пересылке. Как писал об этом мандельштамовед Нерлер, если бы Домбровский и впрямь встретил в ГУЛАГе Мандельштама, то перед ним стоял бы автор не «Tristia», а «Стихов о неизвестном солдате»!

Как поэтическую часть романа Домбровский видел и свое первое опубликованное стихотворение — «Наменный топор», напечатанный еще

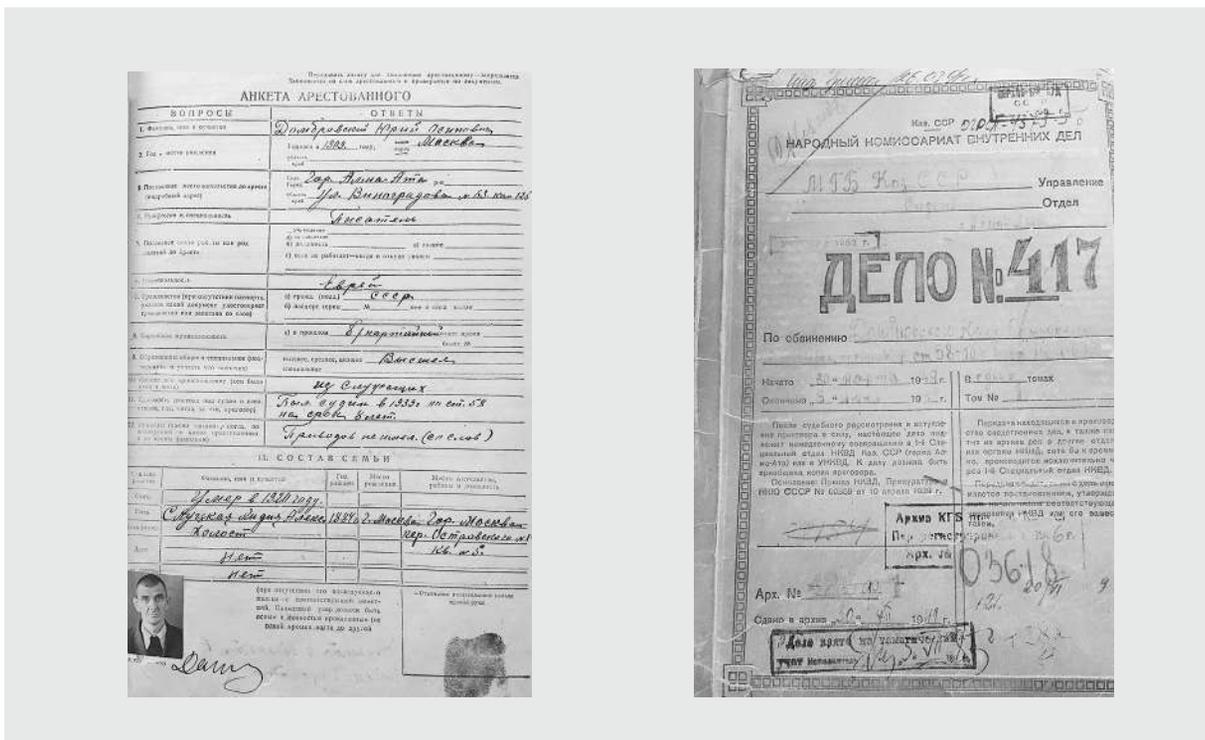
† Юрий Домбровский на общем фото с Джамбулом и писателями.
Алма-Ата, 1945 год

в 1939 году, незадолго до третьего ареста. В том же блокноте, правда, оно называется иначе: «Поэма о каменном топоре / пролог к роману». Предположим, что «Троя» в таком случае могла бы стать эпилогом. Очень актуальный эпилог в наших условиях:

*О, для чего погибла, Троя,
И выдуман был Одиссеем конь?
Каких изменников, каких героев
Испепелил бенгальский твой огонь!
<...>
И брошенная, как троянский конь,
Европа бедная, покинутая Троя,
Ты погибаешь, на коленях стоя,
Не испытав железо и огонь.*

Стихи всю жизнь сопровождали Домбровского. Со стихов, словно трещина в плотине, постепенно превращающаяся в проран, начиналась его проза. Ими же она заканчивалась, подобно пастернаковскому «Живаго». Так было и с «Фанультетом ненужных вещей», лирические пролог и эпилог к которому были написаны еще задолго до появления романа, и даже до появления его замысла. При этом лучшая и большая часть стихотворений Домбровского была написана именно в лагере. Поэзия, иссякавшая как-то сама собой на свободе, заново прорывалась в заключении.

Назалось бы, весь Домбровский уже был опубликован: выходили собрания сочинений и т. д. На самом деле это далеко не так. Не только

1 Анкета из четвертого уголовного дела. 31 марта 1949 года

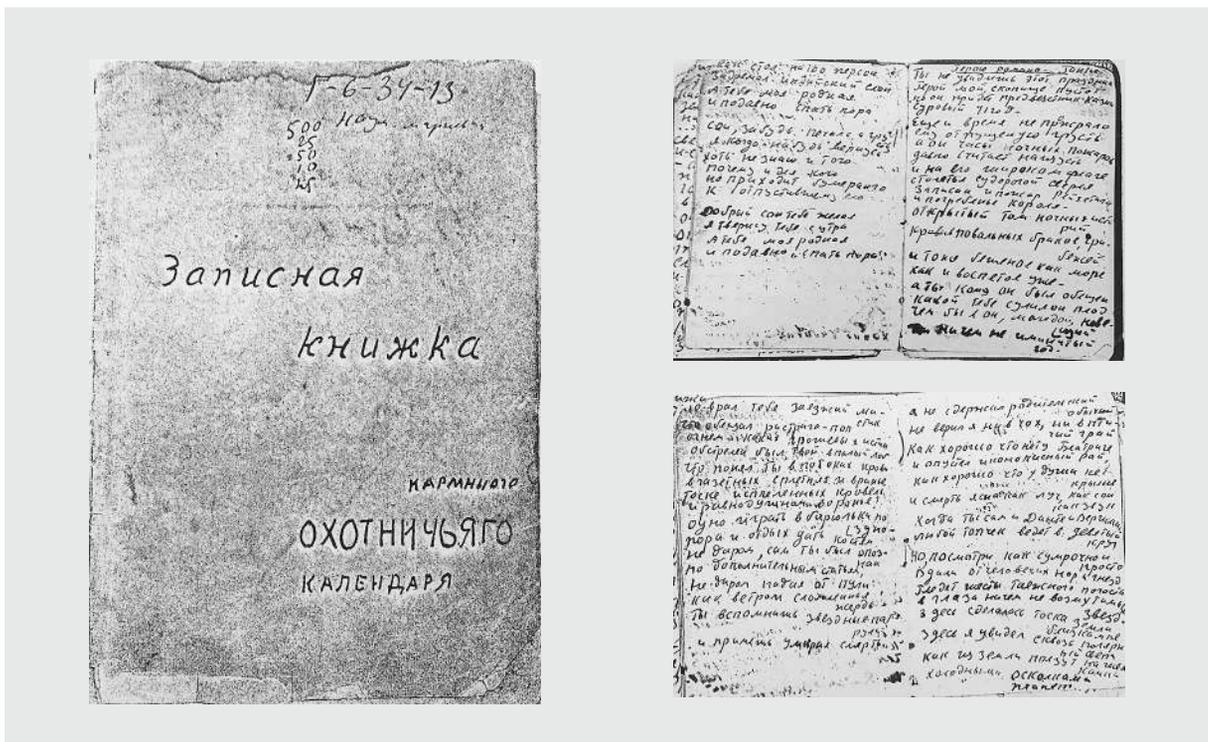
1 Обложка уголовного дела 1949 года

биография, но и творческое наследие писателя еще недостаточно исследованы. В другой статье в журнале «Дилетант» пару лет назад, а затем в «Вопросах литературы» я печатал одно неизвестное стихотворение — «В зоологическом саду...». А совсем недавно в процессе работы над биографией нашлись и другие вещи. Речь о двух неопубликованных стихотворениях все из того же блоннота из дела 1949 года. Одно из них было написано для той же «Обезьяны...», оно посвящено персонажу романа — помощнику профессора, преследуемого нацистами, а другое представляет собой целый триптих, очевидно, не имевший отношения к книге.

В первом стихотворении говорится о 1941 годе, о неизбежной расплате фашизма и финальном мужественном поступке персонажа. К слову, свой собственный 1941-й Домбровский встретил на нольмыских золотых приисках, замерзая в брезентовой палатке («Умирал, умирал и не умер», — рассказывал он в письме другу). Нольма сделала его инвалидом. Но стихотворение это, скорее всего, написано позже, быть может, уже не в лагере. В блонноте, сохранившемся в деле, римскими цифрами указан год, когда он был начат, — Anno MDCCCXLVII, то есть 1947-й.

Помимо очевидной отсылки к Лермонтову («Не даром падая от пули»), стихотворение содержит шероховатости и неправильности, свидетельствующие о незавершенности. По всему видно, что это не самый удачный текст. Однако ошибки, как ни странно, передают всю человеческую энергию и силу автора («не прожрало») — это тот самый Домбровский.

Что касается неизвестного триптиха, то он мог появиться уже осенью 1943 года — после антировки (освобождения по болезни), так как в конце

↑ Обложка нолымского блоннота

↑ Герою романа Ганне

Домбровский указал город — Алма-Ата. Триптих адресован женщине, которая вряд ли была фантазией автора, — это любовные и эротические стихи, в которых все говорит о подлинных чувствах. Стихи эти также имеют шероховатости, но выглядят более завершенными.

В жизни Домбровского было много женщин, иногда он заводил сразу несколько романов. И даже среди доходяг, умирая на Нолыме, он находил силы донжуана. В этом был, конечно, весь Домбровский. Если бы сегодня вдруг обнаружился еще один, другой блоннот, о котором достоверно известно из материалов упомянутого дела, то мы бы узнали о нолымских похождениях. По словам Зои Брянцевой, одной из свидетельниц, в основном они там и были записаны. Почему этот блоннот был предметом ее интереса, понятно: Брянцева познакомилась с Домбровским в 1944 году и была с ним в отношениях.

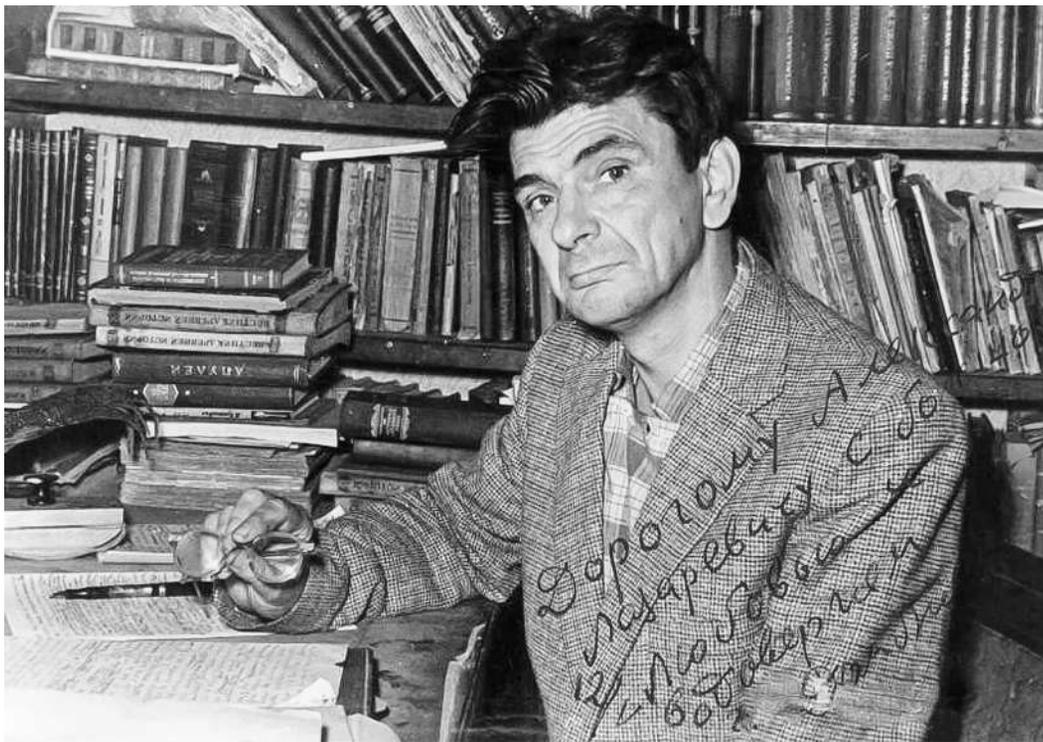
Из вопроса Зои Михайловны Брянцевой от 31 марта 1949 года

Вопрос:

Вам приходилось ли видеть и читать дневники о лагерной жизни Домбровского Ю?

Ответ:

Да, я лично видела его лагерные записи, но они не носили форму дневника, а были записаны в небольшом блонноте. Все эти лагерные записи Домбровский читал мне лично, так как сама читать я их не могла, они были написаны слишком мелким почерком. В его лагерных записях ничего компрометирующего не было, а были изложены его любовные похождения с женщинами, находившимися вместе с ним в лагерях.

† За рабочим столом (с дарственной надписью А.Л. Жовтису). Москва, 1960 год.
Фото А.Л. Лесса

Одной из таких женщин, возможно, и был посвящен триптих. Например, это могла быть женщина-врач, при содействии которой, как мы узнаем все от той же Брянцевой, Домбровский освобожден в 1943 году. Правда, в протоколе очной ставки писатель говорит немного иначе.

Из протокола очной ставки от 1 июня 1949 года

Вопрос Домбровскому:

Наим образом вам удалось освободиться из лагерей?

Ответ:

Я не говорил Брянцевой, что освободился из лагеря при содействии врача-женщины. Я говорил, что врач-женщина много мне помогла в освобождении из лагеря: она положила меня в больницу и доставила мои заявления по назначению.

Вопрос Домбровскому:

Следовательно, вы были антированы в лагерях незаконно, при содействии этого врача, о котором рассказала Брянцева, это вы признаете?

Ответ:

Нет, это я отрицаю, ее не было в том лагере, где меня антировали.

Вопрос Домбровскому:

Назовите фамилию этого врача.

Ответ:

Я сейчас не помню ее фамилию.

Вопрос Брянцевой:

Домбровский называл вам фамилию этой женщины?

Ответ:

Домбровский называл мне ее имя и отчество и говорил, что с ней в лагерях сожительствовал. Мне известно, что, освободившись из лагерей, он переписывался с этой женщиной, поэтому он не может не знать ее фамилию. Имя, отчество ее я забыла.

Но следователь и сам забыл. Есть в деле запись допроса Домбровского, в котором он рассказывает и даже называет полное имя одной женщины-врача.

Из допроса от 6 апреля 1949 года

Вопрос:

Вам предъявляется открытка на ваше имя из города Кропоткина Краснодарского края, кем она прислана вам?

Ответ:

Эта открытка прислана мне знакомой Абрамовой Еленой Александровной.

Абрамова вместе со мной отбывала наказание в лагерях. Я познакомился с ней в бухте Находна, когда лежал там на излечении в лагерной больнице в 1940 году. Она была осуждена по закону от 7.VIII.1932 года. В лагерях работала медсестрой.

Вопрос:

Наной характер носила ваша связь с Абрамовой?

Ответ:

Освободившись из-под стражи, я в 1946 году узнал, что она проживает в городе Кропоткине, и вел с ней дружескую переписку. Никакой связи другого характера у меня с ней не было.

Закон от 7 августа 1932 года — это так называемый Закон о трех колосках. Это значит, что Абрамова буквально могла подобрать несколько колосков или даже колосок в поле после жатвы и совершить таким образом преступление. За это грозил расстрел либо десять лет с конфискацией. Закон, что примечательно, возник в период масштабного голода в стране в 1932–1933 годах.

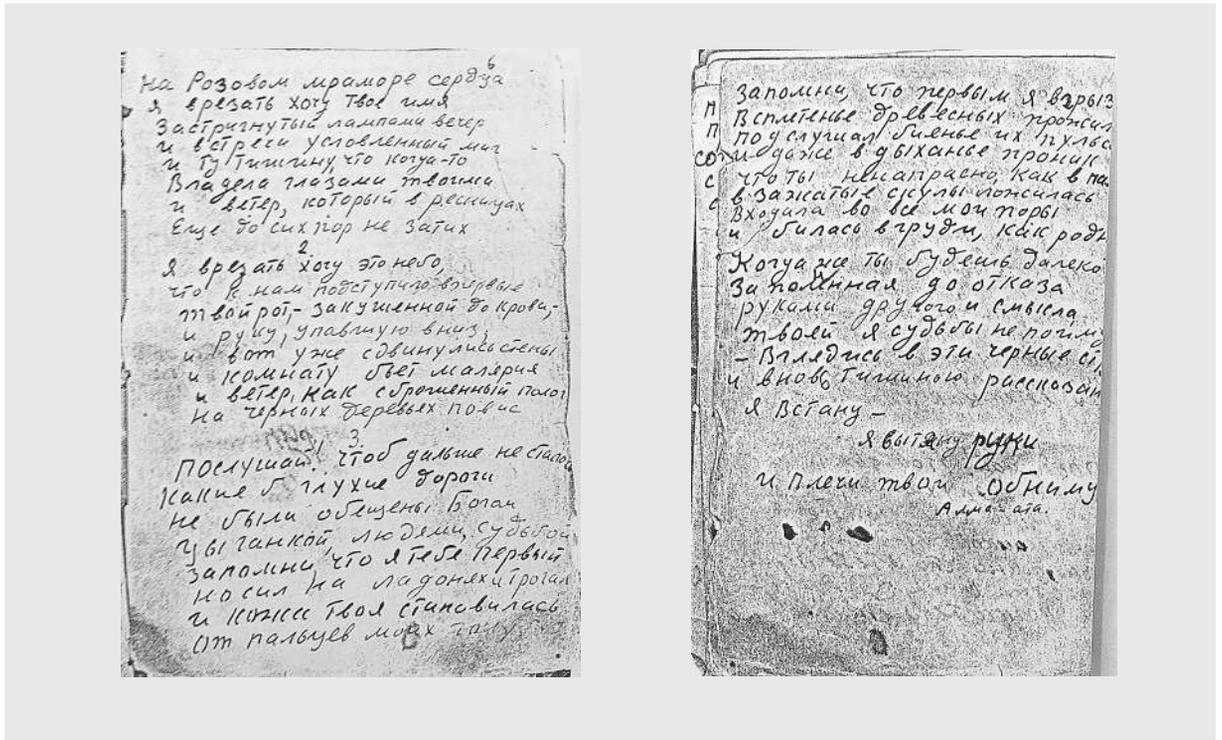
При жизни Домбровского его стихи печатались только дважды — в альманахе «Казахстанский современник» в 1939 году и в эмигрантском журнале «Грани» в 1972 году. Однако это были небольшие публикации, одно-два стихотворения. Первая же крупная подборка вышла в «Юности» в 1988 году. Символично то, что и нынешние стихи появились в том же журнале; они публикуются с сохранением авторской редакции. Можно сказать без лишней скромности, что это первое за долгое время столь значительное дополнение к поэтическому наследию автора.

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ

ГЕРОЮ РОМАНА
ГАНКЕ

Ты не увидишь этот праздник
герой мой, скопище пустот
но он придет предвестник казни
суровый сорок первый год –
Еще и время не прожрало
ему отпущенную грусть
а он часы ночных пожаров
давно считает наизусть
и на его широком флаге
столетья судорогой сверля
записан и пожар Рейхстага
и погребенье короля –
открытый том ночных историй
повальных браков, грабежей
итожа бешеное как море
как и воспетое уже –
а ты кому он был обещан
какой тебе сулил он плод
чем был он, молодой, невещий
ничем не именитый год.

Не врал тебе заезжий мистик
что обещал расстрига-поп
огнем каких грошовых истин
обстрелян был твой впалый лоб
что понял ты в потоках крови
в газетных сплетнях и вранье
тоске испепеленных кровель
и равнодушном воронье?
одно играть в бирюльки поздно
пора и отдых дать костям
не даром, сам ты был опознан
по дополнительным статьям,
не даром падая от пули
как ветром сломленная жердь
ты вспомнишь звездные патрули
и примешь умирая смерть

* * *

1

На розовом мраморе сердца
я врезать хочу твоё имя
застигнутый лампами вечер
и встречи условленный миг
и ту тишину, что когда-то
владела глазами твоими
и ветер, который в ресницах
еще до сих пор не затих.

2

Я врезать хочу это небо,
что к нам подступило впервые
твой рот, – закушенный до крови, –
и руку, упавшую вниз,
и вот уже сдвинулись стены
и комнату бьет малярня
и ветер, как сброшенный полог,
на черных деревьях повис.

3

Послушай! чтоб дальше не стало
какие б глухие дороги
не были обещаны Богом,
цыганкой, людьми, судьбой,
запомни, что я тебя первый
носил на ладонях и трогал
и кожа твоя становилась
от пальцев моих голубой.
Запомни, что первым я вгрызся
в сплетенье древесных прожилок,
подслушал биенье их пульса
и даже в дыханье проник
что ты ненапрасно, как в память
в зажатые скулы ложилась,
Входила во все мои поры
и билась в груди, как родник.
Когда же ты будешь далеко
заполненная до отказа
руками другого и смысла
твоей я судьбы не пойму
– Вглядись в эти черные строки
и вновь тишиною рассказан
я встану –

я вытяну руки
и плечи твои обниму.

Алма-Ата